Усыновлю мужчину с ребенком

Автор:
Маргарита Южина

Усыновлю мужчину с ребенком

Маргарита Эдуардовна Южина

Ирония любви

Одинокий, молодой, состоятельный, неженатый… Кажется, такие мужчины встречаются только на страницах романов. Но вот Лера познакомилась с Глебом Каратовым и поняла, что в жизни подобные экземпляры тоже попадаются. Чем не подарок судьбы? Но оказалось, что Каратов – не подарок, а скорее приз: за его любовь придется побороться. Ну что ж, Лера не против, тем более что на ее стороне могущественный союзник – дочь Глеба Анфиса очень ей симпатизирует.

Маргарита Южина

Усыновлю мужчину с ребенком

Глава 1

– Ваш ребенок совершенно не знаком с воспитанием! – кричала на пороге хорошо одетая дама со смешным кукишем на голове. – И если вы сами не в силах с ней справиться, пусть вас лишают материнства! Это же ужас! Прямо криминальный элемент какой-то растет!

Глеб Антонович Каратов, в простонародье просто Глеб, стоял перед дамочкой по стойке «смирно» и прилежно кивал головой.

– Хорошо… И в самом деле, пусть материнства меня лишают, мать я ни к черту…

– И вот… не надо вот этого вот! – нервно дернула рукой перед своим лицом женщина. – Вот не надо только из себя строить… этого вот… дрессированного пуделя! Кивает он! А его дочь завтра опять моему Вадику нос разобьет!

– А может быть, у них так симпатия выражается? – попытался предположить Глеб. – Я вот тоже в детстве девчонок по голове портфелем бил.

– Знаете что! – задохнулась от возмущения женщина. – Мне такие ваши симпатии! Чтобы завтра в школе ноги вашей не было!

– Вообще-то я и так нечасто там поя…

– Вашей дочери!

– Ну, это уж позвольте! Она ж неучем останется! – возмутился наконец Каратов. – Не наступайте моему ребенку на горло.

– Я? Это я наступаю?! Да это она!.. Посмотрите, какие синяки у моего Вадика! У него же все лицо, как у этого… из «Аватара»! Зеленое! Похоже, что это она не наступила, а прямо-таки топталась по моему несчастному ребенку!

– Хорошо, – Каратову надоел неприятный разговор. – Я с ней поговорю.

– Да будет она слушать, что вы там…

– Я с ней поговорю строго!

Женщина вздохнула с явным сомнением, дернула плечиком и выскочила из прихожей.

Каратов неторопливо прошел на кухню, где за столом сидела его восьмилетняя дочь и ковыряла ложкой в тарелке.

– Па, я кашу-то, посмотри, доела, – тут же обрадовала она отца.

Отец молча отодвинул ее пустую тарелку и уставился на дочь.

– Па, я так думаю… может, мне еще кашки? – не знала, как угодить отцу, доченька.

– Думаешь, спасет? – вздохнул отец. – Анфиса, ну сколько ж можно кулаками махать? Как мельница какая-то, честное слово. Ты же девочка! Должна быть… хрупкой какой-то… нежной. Трусихой должна быть, в конце-то концов!

– Па, когда тут быть нежной? Его ж лупят все, кому не лень!

– А ты еще и руку не приложила, так, что ли?

Анфиса отодвинула тарелку.

– Пап, я ж его не била. Я ж его защищаю каждый раз!

– И после этого у него такие синяки?

– Ты еще Борьку Грачева не видел, у него все ухо синее…

Отец кашлянул и нахмурил брови:

– Значит, следующим гостем будет папаша Грачева?

– Пап, Грачев просто издевается над Вадькой. Все время его долбит и долбит. А я восстанавливаю справедливость. Но я же не могу все время с Вадькой гулять, вот и решила – проще его научить. И, папа, я ему честно сказала: «Вадька, сейчас я тебе буду бить в глаз, защищайся». А он стоит и лыбится! Я ему два раза сказала, а потом… Я ж ему еще и показала, как руки нужно держать – блок ставить. А он… в общем, я ему в этот блок и шибанула. А уж в глаз он сам себя своими же руками…. Если суд будет, можно отпечатки пальцев снять, там моих нет.

Отец только протяжно простонал.

– Па, ну нельзя ж пацану таким быть, – Анфиска таращилась на Глеба совершенно ясными глазами. – Я ж доброе дело делаю.

– Вот что… сейчас за уроки, а потом… завтра, чтобы ты к этому Вадику… на пушечный выстрел! Ты меня поняла? Иначе…

– Да знаю я… – набычилась девчонка. – Иначе неделя без компьютера и никакого телевизора… А потом удивляются, откуда у нас столько равнодушных людей вырастает…

– Анфиса! Не обсуждается! – рявкнул отец.

Девчонка поднялась из-за стола и встала к раковине. Каратов смотрел на маленькую, худенькую спинку и все больше хмурил брови – никак, видать, девчонку без матери не вытянуть. Вот растет мужичок, и хоть ты башку себе разбей.

– Анфиска… Завтра пойдем, запишем тебя на балет, – решил он.

Дочка только покачала головой.

– Пап, балет – это не мое призвание.

– Ага! Твое призвание кулаками махать! Пойдешь на пианино, я сказал, и не обсуждается!

– А слух?

– На… на… в литературный кружок!

– Давай уж лучше на фигурное катание… Хотя… тоже поздно, наверное.

– Ничего! Будешь стараться – догонишь… И вообще! Будешь кривляться…

– Да знаю я, – вздохнула дочь. – Буду кривляться – наймешь няньку… Как будто я ребенок маленький какой…

Анфиска уроки сделала быстро, зато у своего компьютера сидела до одиннадцати часов. Скачала фильм и никак не могла оторваться. Глеб уже давно бы выключил, но уж больно фильм хороший был – про войну. Пусть смотрит, а то сейчас у молодежи столько ерунды в башке намешано. А здесь патриотическое воспитание, как-никак.

Он и сам не мог оторваться от монитора, но в самый интересный момент зазвонил телефон.

– Во, папа, иди! Тебе твоя хрупкая и нежная звонит, – кивнула на телефон Анфиска.

– Вот что, дочь моя, – поднялся Каратов. – Ты внимательно смотришь, потом расскажешь, что я пропустил, ясно?

Анфиска кивнула и прилипла к монитору.

Звонила действительно хрупкая и нежная, то есть Мила.

– Каратик, ты сейчас свободен? У меня столик в ресторане заказан, в «Лягушке», ты готов?

– К чему? – не сразу сообразил Каратов.

– Здра-а-а-ссте! У нас же сегодня маленький юбилей! – обиделась Мила. – Ты уже не помнишь, да? Не помнишь? Я так и знала, что такую дату ты постараешься забыть! А у нас, между прочим, пять месяцев, как мы с тобой вместе!

– Боже мой! – воскликнул Каратов, морщась как от зубной боли. – Разве я мог забыть? Да нет же, конечно! Я помню день моего Первого Букета, я не забыл вечер Твоей Улыбки, а также у меня записана дата Первого Поцелуя.

– Па, скажи, что не забыл ее Первое Да, – подсказала Анфиска.

– Цыть, дочь моя! – рявкнул Глеб. – Мила, это я не тебе. Я все помню.

В трубке послышалось хныканье.

– Ну я так и знала! – капризно затянула Милочка. – Ты еще не уложил спать свое потомство и в ресторан прийти не сможешь. Каратик, я тебе всегда говорила – ты растишь из девчонки какую-то неженку! А она уже довольно взрослая девица, и ей пора знать, что у отца есть своя личная жизнь.

– Мила, мы пойдем в ресторан завтра, а се…

– Я так и знала! – послышались отчаянные рыдания. – Завтра уже не юбилей! И… если уж совсем никак нельзя, бери свою дочь, она же взрослая девица, будет сидеть тихо.

Глебов искоса взглянул на взрослую девицу. Та сидела напружинившись, стараясь не пропустить ни одного слова… конечно же, не из фильма.

– Мила, мужик я или нет? Я сказал, что мы пойдем в ресторан завтра. И вообще… ты перепутала все даты. Пять месяцев будет только на следующей неделе. Я записывал.

– Ты записывал? – Рыдания прекратились немедленно. – А… как это?

– Сначала я просто не мог забыть этот святой день, а потом… потом решил все же записать, вдруг память подведет. Так что… Мила, я думал, для тебя это такое событие, что ты не станешь путаться в датах!

– Да? – Бить Милочке было нечем.

Честно говоря, она и приблизительно не помнила, когда ж они с Каратовым начали встречаться. Просто захотелось посидеть с Глебом в кафе и все. А он, оказывается, записывает…

– Пап, да иди ты с ней в ресторан! – не выдержала дочурка. – Я ж уснуть-то и одна могу. Все равно уже времени вон сколько.

– Так я тебе и поверил, – оторвал ухо от трубки отец. – В кровать прыгнешь, как только ключ в дверях услышишь… Мила, в общем, завтра я Анфиску бабушке сдам, и мы встретимся.

Мила не стала больше перечить. Ничего страшного, она пойдет сегодня в ресторан с Юлькой. Та как раз про своего нового ухажера расскажет. Милочка еще раз всхлипнула на всякий случай и спешно попрощалась – еще надо было успеть перезвонить Юльке.

– Каратик, я, значит, сегодня с Юлькой посижу, а завтра мы с тобой пойдем, ага? Чтобы день зря не пропадал. А завтра… Готовь подарок!

– Ну и что там? – как-то уж слишком озабоченно подсел Каратов к дочери и уставился в монитор. – Никого не ранили?

– Нет. Их, пап, всех убили, – ответила Анфиска. – А чего – я завтра опять к бабе Тане?

– Да! Кстати! Совсем забыл тебе сказать, – принялся тереть нос Каратов. – Баба Таня сегодня звонила, прямо очень просила, чтобы ты завтра к ней приехала.

– М-да? – недоверчиво фыркнула девчонка. – Она мне сегодня тоже звонила… из санатория. Приедет только к выходным.

– Точно же! – вспомнил Каратов. – Я и забыл совсем… Ладно, значит, завтра не получится. Бегом в кровать!

Наступили выходные, а значит, должна была приехать мама Глеба, Анфискина бабушка. И с самого утра Глеб был в приподнятом настроении.

– Анфис, а ты вчера цветы у бабушки полила? – в который раз спрашивал отец.

– Я-то полила, а вот ты розетку починил? – ехидно поинтересовалась дочь.

– А то! Я починил все розетки в доме! Целых две, ясно тебе? – веселился отец. – Во сколько бабушку встречать? Через час?

– Пап, мы успеем, даже если выедем через полтора часа. Иди лучше кофе попей, чайник вскипел.

Каратов уже направлялся к своей любимой огромной кружке, когда прозвучал звонок в дверь.

– Ну вот! – испуганно вытаращил он глаза. – А говорила еще полтора часа! Мам! Иду!

Это была не мама. Вернее, мама, но вовсе не Глеба, а все того же несчастного Вадика. И, судя по гневному выражению ее лица, несчастным Вадика сделала опять Анфиска.

– Ну? – раздувала дамочка ноздри. – И что вы сейчас скажете? Вы же обещали, что ваша дочь не подойдет к Вадику на пушечный выстрел! Что ж вы никак не можете усмирить вашу разбойницу-то?! Да сколько ж можно, я не знаю!

– Погодите… – попытался вклиниться в ее пламенную речь Каратов. – Вы у своего мальчика спросите…

– Что я могу спросить у своего мальчика, если мне звонила учительница?! Я вообще ничего не заметила, а учительница сказала, что ваша хулиганка заманила Вадика на школьный двор и отрабатывала на нем свои садистские приемы! Он у нее вместо груши был!

– Так она не отрабатывала, она же учила вашего…

– Что вы мне говорите?! Арина Венедиктовна не будет врать! А вот ваша девочка! Это ж надо такое чудовище воспитать! Это ж…

– Прекратите орать! – не выдержал Каратов. – Если б не мое вот это… чудовище… ваш мальчик уже давно в клинике бы лежал! Его ж бьют все, кому не лень!

– Ну уж! – задохнулась от гнева женщина. – Никто не успевает! Потому что ваша девица!..

– Моя девица его учит защищаться! Если уж ваш муж не нашел времени, чтобы научить парня хотя бы давать сдачи!

– Не ваше дело!

– Не мое? А чего тогда ко мне пришли?

– Успокойте свою дочь! Или я подам в суд! – выкрикнула дамочка, резко повернулась и вышла, громко хлопнув дверью.

– Вот скажи – идиотка, да? – вышла из своей комнаты Анфиска. – Я, значит, стараюсь, время свое трачу, а…

– Я тебе когда сказал, чтобы ты записалась на эту… как ее… пианино? – играл желваками Глеб. – Ты что, никак до музыкальной школы дойти не можешь?

Анфиска вытаращила глаза.

– Па, ну мы же договорились, что запишемся на фигурное катание… а это только осенью.

– А до осени я уже двадцать раз успею сесть по твоей милости!

– Пап, да брось ты, а? Поехали лучше бабу Таню встречать.

Но бабушку встретить не получилось. Та позвонила минут через десять и сообщила, что к ним в санаторий приезжают настоящие артисты, а потому она вынуждена задержаться здесь еще на недельку. И пусть сынок не беспокоится, она уже все оплатила.

– А давай порадуемся за бабу Таню! – с сияющими глазами предложила Анфиска. – Вот чует мое сердце, она там нашла себе нового жениха! Помнишь, мы отправляли ее в круиз? Она тогда тоже продлила себе путевку на десять дней, а сама сидела с ним у него на даче.

– Ну да… помню… – печально вздохнул Каратов. – Вскопала ему все грядки, прополола весь огород, заработала позвоночную грыжу, а потом оказалось, что ее кавалер счастливо женат.

– Не будем думать о плохом, – философски заметила дочь. – Будем надеяться на счастливый исход.

– Хватит о бабе Тане! Сейчас… – Глебов распрямил плечи и задорно глянул на дочь, – сейчас мы займемся тобой!

Заниматься Анфиской пришлось до вечера. Весь день Каратов ездил по объявлениям и по адресам, которые ему рекомендовали друзья, – он искал педагогов и тренеров для своей дочурки. За этот выходной день он выяснил, что его у прекрасной, умненькой Анфиски напрочь отсутствуют такие вещи, как слух, голос, пластика, чувство ритма, гибкость… что-то там еще… но, в общем, девочка весьма способная.

– Пап, я ж тебе говорила, – устало бормотала в машине Анфиска. – Ты прямо как маленький, все еще на что-то надеешься, а…

– Вот! – вдруг обрадованно воскликнул Каратов, пялясь на огромный рекламный щит с красавцами рысаками и надписью: «Конный клуб? Ваша мечта стала реальностью!» – Анфиска, ты, когда была маленькая, всегда мечтала о лошадях. Чего ж это я сразу не вспомнил!

– Па, я их боюсь, – поежилась Анфиска. – С лошадями я как-то…

– Анфиска, не трусь! Все! Ты у меня теперь будешь наездницей!.. Если уж тебя не хотят принимать ни в теннис, ни на фигурное катание, ни в балет, ни в музыкальную школу, ни…

– Ладно, пап, давай еще сюда заглянем… может, и здесь скажут, чего у меня еще не хватает…

Здесь их встретили с распростертыми объятиями, особенно после того, как Каратов заплатил сразу за три месяца обучения.

– Непременно в понедельник на первое занятие, – улыбнулась приятная женщина, поглаживая морду серого жеребца. – Наш Шаттл будет по тебе скучать, Анфиса.

Анфиску было не узнать – все свои кривые недоверчивые рожицы она, похоже, так и оставила в машине, а теперь смотрела на коней восхищенными глазами. Ей даже удалось несколько минут покататься на этом самом Шаттле.

– Пап! Он такой умница! – не смолкала она всю дорогу. – Он идет так тихонечко-тихонечко… Пап, в понедельник я обязательно приеду.

– Я тебя сам отвезу.

– Да ну, я сама… Здесь же недалеко! Каких-то несколько остановок, – дернула плечиком Анфиска. – А еще я ему сухариков привезу. Надо пожарить.

Лера опять поднялась чуть свет. В зеркало вообще лучше не смотреться – когда она наконец займется собой? Сделает модельную стрижку, укладку? Бегает как загнанная лошадь! Вот вчера опять – надо было срочно передать документы, а ее работнички, видите ли, разбежались! Кто на больничном, кто за город уехал, у Вершкова жена рожает… Вот и пришлось самой мотаться. Ей бы сегодня отдохнуть, отоспаться, но без нее и вовсе все развалится. Ну не умеет она держать людей в кулаке. Как это Ольга говорит? Они у нее на шее сидят, да еще и зарплату получают. Гнать бы всех, но страшно – а вдруг одна и вовсе не справится?

– О! Опять куда-то намылилась! – вышла из спальни заспанная бабуся.

– Мама! Вы так говорите, как будто я на гулянку убегаю! – даже обиделась Лера. – Я ж на работу!

– Что ж это у тебя за работы такие? И по ночам шастаешь, и с утра тебя куда-то несет! Я ж, поди, не молоденька тебе, а весь дом на мне!

– Мама, в среду придет женщина, уберет.

– Во-о-от, женщину ждать будем! А нет бы самой! Все носит ее где-то! Сына на меня скинула! А нешто я не хочу отдохнуть? Я ж ить тоже не железная!

Лера засопела. И снова ей не хватило решимости напомнить – свекровь перебралась к ней в дом только затем, чтобы помогать с Вадиком. Как

выразилась сама Мария Никитична, она «дня без Вадюшки прожить не могу, а ты его все равно загубишь!». Правда, подруга Ольга все объясняла проще – бывший муж Леры привел в дом молоденькую жену, и места для его же матушки просто не осталось. Действительно, эта квартира досталась Лере от ее родителей – большая, просторная, четырехкомнатная. Таких планировок сейчас очень мало. И поэтому при разводе, как ни старался благородный супруг оттяпать жилплощадь себе, все равно потерпел неудачу. Пришлось возвращаться к маме под крыло. Туда же и новую женушку привел. Ну а уж той с бабусей жить просто гордость не позволяла. Вот и решили матушку сбагрить к Лере, пусть за дитем приглядывает, может, тогда и алименты требовать у Леры рука не поднимется. У нее и не поднялась. И, честно сказать, без Марии Никитичны ей было бы ужасно тяжело. Вот как бы она вчера взяла и уехала? А Вадик с кем? Один на сутки?

– Я говорю, глянь хоть, чего с мальчишкой-то стряслось! А все ты! Даешь ему деньги, а он потом…

Лера уже не слушала свекровь. Она побежала к сыну в спальню. Вчера, когда приехала, она тоже зашла к нему, чмокнула в щеку. Но Вадька заворочался, и она вышла, побоялась разбудить. И, видно, не рассмотрела, а сегодня…

– Да ты ниже смотри! На попу! Вон какой синячище! – И бабушка бесцеремонно повернула мальчонку попой к матери.

– Да что вы делаете? – гневно сверкнула глазами Лера. – Вы ж его разбудите!

– Ага! Ему сейчас палкой по башке долби – фиг разбудишь! – фыркнула бабуся. – Гляди!

Лера и в самом деле увидела большой синяк на тощем бедре сына. Синяк уходил за трусики.

– Это его вы, что ли, били? – сузила глаза Лера. – Рукой?

– Да бог с тобой! – вытаращилась Мария Никитична. – Я тока легонько полотешком шлепнула, чтоб тюфяком-то не был! Это он по твоей милости – в конюшню записался. Его эта Анфиска заманила, язви ее! А он с лошади-то и навернулся! Госсыди! И в кого он такой пошел? Прям мешок мешком!

Лера не выдержала. Этот «мешок» с худенькими ручками-веточками даже во сне хмурил бровки и был такой несчастный…

Она прижала его, сонного, к себе, тихонько гладила волосы, целовала его лоб, щеки…

– Ма-а-ам… – открыл глаза сын и улыбнулся. – Я тебе сегодня позвоню, ладно?

– Обязательно! Просто обязательно позвони… А я… я сегодня посмотрю, если работы немного будет…

– Да ладно уже! Беги ты на свою работу! – заворчала Мария Никитична. – Дай парню поспать-то!.. И вот еще чего…

– Ваденька…

– Мам, я сейчас посплю, а потом тебе все-все… – сонно лепетал Вадька.

Лера положила сына на подушку и тихонько прикрыла двери.

– Слышь чего, – тут же подбежала Мария Никитична. – Сегодня Николаша придет денег просить, так ты дай! Чай, не обеднеешь. Он тебе все же муж родной!

Лера вздохнула. Какой он муж? Бывший? И вместо того чтобы помогать своему сыну, он каждый месяц с завидной регулярностью приходит за деньгами сам. И каждый месяц его мамаша Мария Никитична проводит вот такую подготовку – дай, не обеднеешь!

– Ты вот что… ты денюжки-то оставь, а я сама ему передам. Чего ему на тебя пялиться-то, настроение портить? – наседала старушка. – А то ить я-то твоему сыну помогаю! Вон скока с им сижу-то! Не забывай!

И снова не смогла Лера отказать… А ведь в прошлый раз решила уже – не даст! А тут… ну что, Вадьку будить скандалом?

И Лера молча отсчитала пять тысяч. Сумма была всегда одна и та же.

Каратов был доволен. Дочери наконец-то нашлось занятие по душе.

Он был счастлив буквально до среды. Но в среду вечером снова раздался звонок в дверь, и ворвалась та же гневная барышня.

– Вы что делаете, я вас спрашиваю?! – прямо с порога принялась она верещать. – Да когда это уже кончится?! Если вы не можете уследить за своей дочерью, то…

– Да вы издеваетесь? – тихим, зловещим голосом переспросил Каратов. – Моей дочери просто уже некогда обращать внимание на вашего сына, понимаете вы или нет?! Она каждый день после уроков ездит в конно-спортивную секцию! Что…

– Так она-то пусть едет! – уже всхлипывала женщина. – Зачем она Вадика туда потащила?! Он упал с лошади, и у него синяк во всю зад… во… в общем, синяк!

– Да?! А чем ему еще заниматься? Каким спортом? – высунула из комнаты голову Анфиска. – Так и будет дри… доходягой жить, так, что ли? Он же мужик!

– Анфиска! А ну быстро в кровать! – рявкнул Глеб.

Женщина теперь хлопала глазами и беспомощно разводила руками:

– Ну… какой же мужик? Он же еще… ребенок…

Потом она отчаянно махнула рукой и вышла.

Каратов устало опустился на диван. Рядом с ним тут же села дочь.

– И ничего он уже не ребенок, – бурчала Анфиска, уставившись в пол. – Знаешь, как он материться умеет!

– Тоже мне, показатель, – невесело усмехнулся Глеб. – Я вот, к примеру, вообще не матерюсь.

– Так я и говорю – тебе до него еще расти и расти.

В кабинет к главному Милочка входила как к себе домой.

– Каратик, – промурлыкала она, старательно хмуря бровки. – А что я тебе скажу-у… Сегодня какой день?

Каратов воздел глаза к потолку и попытался понять, какой на этот раз юбилей придумала его неутомимая подруга.

– Сегодня три месяца, как ты сидишь на диете?

Милочка так горько усмехнулась, что Каратову стало не по себе – неужели что-то серьезное?

– Каратик, сегодня ровно месяц, как ты отказал мне в обручальном кольце!

– И мы это будем отмечать? – каким-то шестым чувством догадался Глеб.

– Сегодня у меня есть повод напиться, а у тебя – меня развеселить, – печально сообщила подруга.

Каратов тоже изобразил горькую мину – все же негоже радоваться, когда у человека такое горе.

– Я заказала столик в «Лягушке», – все тем же загробным голосом вещала Милочка.

– В «Лягушке»… – мечтательно вторил ей Каратов. – Как это на тебя не похоже… Но…

– Я надеюсь, в этот раз не случится никаких «но»!

– Не надейся, сокровище мое, – с нежной грустью смотрел на нее Каратов. – Моя мать приезжает еще только в воскресенье. А Анфиску я просто не могу оставить дома одну. Ты же знаешь.

– Но почему?! – взвилась верная подруга. – Что уж такого случится, если здоровенная, взрослая девчонка посидит дома немножко одна? Я же молодая, интересная женщина! Мне нужен ты! И твое внимание! И еще эти… любовь и ласка!

– А можно я занесу тебе их на следующей неделе? – попросил Глеб и жалобно взглянул на Милочку. – Там как раз мама приедет, я не буду волноваться. И Анфиска под присмотром.

– Как знаешь! – дернула плечиком Милочка. – Но учти – я сегодня буду грустить одна! Прямо вот так приду и сяду в эту «Жабу»! А ты…

Она, видимо, слишком расстроилась – выбежала, даже не попрощавшись.

Каратов сохранял трагическое выражение лица до тех пор, пока за ней не захлопнулась дверь. И только потом спокойно принялся за свои дела.

Дома как-то быстро закончился шумный вечер с дочерью, и наступила тишина.

Анфиска всегда засыпала быстро и без капризов – еще с пеленок приучена. Вот и сейчас – не прошло и пяти минут, как девчонка мирно засопела.

Каратов прошел на кухню… Свет зажигать не хотелось. Он почему-то очень не любил вечера… Какие-то тоскливые… Так и тянет взвыть…

Глеб посмотрел на часы – в «Лягушке» сейчас самое начало, как-никак ночной клуб. Ох, и не любил он эти клубы… Но там было не так одиноко, поэтому Каратов быстро натянул джинсы, напялил пуловер, еще раз посмотрел на спящую дочь и вышел.

«Лягушку» ему показала Мила. Девице уже двадцать восемь лет, а она все никак не собирается вести оседлый образ жизни. Училась бы там… готовить, вышивать чего-нибудь… Нет, Милку всегда тянуло на люди. А его не тянуло. Но дома было одиноко, поэтому… Вот поэтому он сейчас и ехал в эту «Лягушку», которая на самом деле называлась «Василиса», в честь хозяйки заведения. Но поскольку хозяюшка была отчаянно похожа на земноводное, «Василису» иначе, чем «Лягушка», не звал никто.

Сегодня он сделает Милочке сюрприз. Вот уже и цветы купил, осталось только возникнуть в клубе неожиданно и торжественно…

Торжественно не получилось. Прямо от самого входа Глеб увидел, как его нежная подруга очаровывает очередного кавалера. Кавалер был лыс, толст и, вероятно, богат. Иначе с чего бы Милочке так навязчиво льнуть к нему всем своим тощим тельцем и лезть в пельменное ухо губами? Стало противно.

– Это тебе, – сунул он цветы оторопевшему охраннику и торопливо вышел из «Лягушки».

Тут же прыгнул за руль и направил машину к дому.

Нет, ну а в самом деле, чего он хотел? Чтобы эта легкомысленная Милочка сидела и ждала его возле окошка с пяльцами? Она никогда ничего подобного и не обещала. Мало того, она честно предупредила, что будет скучать одна в «Лягушке». Одной, видать, не получилось. Ну и в чем она виновата?

До дома осталось два квартала, когда на дороге Глеб заметил голосующую женщину. Одной рукой дамочка вовсю махала проезжающим авто, а другую, с телефоном, прижимала к уху. Он даже обиделся – не такая у него машина, чтобы бомбить на дороге. Но, приглядевшись к женщине повнимательнее, остановил машину.

– Садитесь.

– Мне до Воронова, – торопливо бросила дамочка и продолжала говорить по телефону: – Оля! Не надо мне толкать мужиков в кровать! Мне работники нужны! А этот твой Кукушкин… Да какой из него работник, о чем ты говоришь? Я сейчас вот, вместо того чтобы сидеть дома с Вадькой, еду от клиента! Хозяйка называется!.. И вчера домой ночью приползла, в Крайск ездила, а должен был ехать Кукушкин! А он оказался «выпимши у друга на днюхе!», как он сказал! Вчера, сегодня… Да зачем он мне такой сдался?! А у меня еще и машина полетела!.. Да знаю я, знаю… Ну хватит уже, а? Мне нужен настоящий мужик! Чтобы в доме хозяином был, чтобы не только машину, а все мог почи… Да какой мужик из этого твоего Кукушкина? Это же… Мне отец парню нужен, ясно тебе? А… Оль, прекращай! Не буду я присматриваться к этому Кукушкину! Да ничего он не может! Какой он Вадьке отец? Он своих троих детей бросил! А я тебе

говорю…

– Вам на Воронова где? – перебил Каратов.

– Мне возле «Командора», – буркнула женщина и продолжала: – Мне надо, чтобы Вадька мужиком вырос, а то… его все бьют в школе… Да нет, Оля, переведу в другую, там тоже бить будут. Надо его хоть в секцию какую-то, что ли, только я ж не разбираюсь ни фига… Да что – бывший! Приезжал, попросил денег, а Вадьке даже конфетку не привез… можно подумать, нужны нам его конфеты! Только мальчишка уже понимать начинает, что не нужен он папе родимому… А я… дура такая, нашла, кого ему в отцы…

– Какой подъезд в «Командоре»? – опять влез Каратов.

– Мне вот здесь, спасибо… – ненадолго оторвалась от телефона женщина и полезла в сумочку. – Сколько я вам должна?

– Нисколько, – смотрел перед собой Каратов. – У таксистов нынче акция – провези двух пассажиров, третий бесплатно. Так что…

– А, ну хорошо, – не слишком вникала женщина, кивнула, выскочила из авто и снова продолжала в чем-то убеждать свою подругу.

Каратов долго смотрел ей вслед. Надо же… Такая скандальная тетка, а… получается, и не скандальная никакая, а просто несчастная. Одинокая. Тоже одна ребенка тянет. А вот если бы они вдвоем… Да боже упаси! Мымра какая-то! Как с ней жить-то? Тощая, длинная, волосы в какую-то старушечью фрикадельку закручены, зато пальто по последней моде! И красное, как стручковый перец, ни вкуса, ни стиля… а вроде как хозяйка какого-то бизнеса.

Каратов вздохнул и направил машину к дому.

Подходя к подъезду, Глеб увидел у себя в окнах свет.

– Ага… стало быть, не спим, – качнул он головой. – Вот и как ее одну оставлять?

Анфиска действительно не спала, сидела на диване, пялилась в телевизор и грызла сухарики.

– Пап! – испуганно подскочила она, завидев отца. – Ты себе только представь! Сплю я, значит, по всем правилам, а тут – бац! Звонок!

– Анфиска, нет тебе больше веры. Все, – вздохнул печально отец. – Буду теперь тебя каждую ночь сторожить.

– Пап, но…

– Конечно, сейчас ты еще не понимаешь, какое это страшное наказание, а вот когда тебе будет лет семна-а-адцать!

Девчонка фыркнула и влезла отцу на руки.

– Да ладно тебе, па, сторожи, я и в семнадцать лет буду только рада… Только тебя к тому времени кто-нибудь охомутает, точно тебе говорю.

– Спи иди, ясновидящая!

Лера и сегодня возвращалась домой поздно. У нее как-то неудачно промокли ноги – сапоги, что ли, протекли? И она весь день проходила в мокрых сапогах. Да еще и промерзла. Хотелось домой, в теплую ванну и в кровать. Но не получалось. Никак не хотят ее работнички работать. Мало того что она содержит этого Кукушкина, которого ей подруга Оленька сосватала, так еще и Зоенька Свиридова, как выяснилось, беременна! Ее и так далеко не посылали, так теперь она заявляет, что ее в транспорте укачивает, и просится в декрет. А ей ведь еще пять месяцев ходить! Еще и Аркаша до сих пор не вернулся… Этого только отправь! Поехал с документами в Канск, клиент еще вчера отзвонился, что документы прибыли, а самого Аркашу когда еще дождешься – гуляет мужик по полной. Вот и приходится самой мотаться…

Лера поднялась на свой этаж, открыла дверь, и к ней на шею кинулся Вадька.

– Вадик! – схватила его на руки уставшая мать. – Ты чего ж не спишь-то? Сейчас же нас с тобой Мария Никитична заругает!

– А вот и не заругает! – блестел глазами Вадик. – Она уехала! К своим!

К своим – это значит к отцу.

– Погоди, Вадик, а чего ж она мне не позвонила? – насторожилась Лера. – У них что-то случилось?

– Не-а! – не мог скрыть радости сын. – Они поехали в Турцию! А вещи сторожить некому! Вот Мария Никитична и рванула! А тебе, сказала, потом позвонит.

– А давно она уехала? – растерянно моргала Лера.

– Ну да! Утром еще! – радовался сын.

– Погоди… так ты же… ты же ничего не ел!

– Она меня научила лапшу китайскую заваривать! – гордо выпятил худенькую грудь мальчишка. – А потом она мне продиктует, как надо пельмени варить.

– Пельмени? – подняла брови мать. – Я сама продиктую, как тебе варить пельмени. Пойдем, что-нибудь с едой придумаем!

Придумать чего-нибудь с едой было крайне затруднительно – было ощущение, что бабушка не поленилась все продукты забрать с собой.

– М-да… – рассматривала Лера пустые полки. – Даже сосисок нет.

– А можно зато блинов настряпать. У нас мука есть! – предложил сынок.

Лере уже было не до блинов. Даже есть не хотелось. Совсем. Но рядом был голодный сын.

– Вот что, Вадька, – решила Лера. – Ты смотри в окошко, вон там видишь – ларек? Я сейчас туда сбегаю и всего накуплю. Тебе же еще и завтра надо что-то есть. Так что… Я быстро…

Она накупила два пакета еды. И главное – пельменей. Сейчас их быстренько Вадьке сварит, и… и спать…

– Мама! Ничего себе! Вот это да! И конфеты! Это мне, да? Правда, мне?

Лера смотрела на сына и удивлялась все больше. Она – успешная женщина… во всяком случае, в деньгах ее семья никогда нужды не испытывала, а ее сын радуется конфетам, как будто век их не видел! С ума сойти!.. Когда ж она последний раз ходила в магазин?.. Да вот же, в выходные! Привезла полную машину продуктов. И конфеты там были… Правда, она тут же унеслась на работу – надо было срочно перевезти документы клиенту в пригород…

– Вадик, а в воскресенье ты разве не ел конфеты? Тебе Мария Никитична не давала?

– А они разве были? – хлопал огромными ресницами ее сын.

– Не было, – прижала его голову к себе Лера. – Я перепутала дни.

Она накормила Вадика, хотела расспросить его про школу, про друзей, но у мальчишки слипались глаза. Сразу же после пельменей он направился в спальню, едва передвигая ноги.

– Мам, а это же хорошо, что Марии Никитичны с нами нет, да? – сонно пролепетал Вадька. – Давай будем жить одни. Я уже большой. Я справлюсь.

– Давай, – кивнула Лера, пряча глаза.

Казалось, стоит ей только дойти до кровати, и она сразу провалится в сон, но уснуть она смогла не сразу. В голову лезли всякие думы, мысли, обиды… и больше всех Лера злилась на себя. Ну почему она такая размазня? Зачем она держит у себя этого Кукушкина? Лентяйку Зоеньку? Аркашу-пьяницу? Пнуть их под зад коленом, а на эти деньги нанять Вадьке хорошую няню! И на порог больше не пускать эту Марию Никитичну! Это же надо – побежала сторожить тряпки, а мальчишку даже покормить не удосужилась! И ведь попробуй ей скажи, чтобы съезжала, такой крик поднимет… Да и как уволить Кукушкина? Аркашу?.. Не умеет она руководить! А ведь сама все придумала! Сама это дело

начинала. Правда, тогда с ней рядом был папин друг, Афанасий Петрович. Вот мужик был – всех в железном кулаке держал. Директор был от бога. Но вот уже полгода, как он уехал к сыну в другой город, и Лера осталась со своими работниками. Нет, есть у нее и надежные люди, но у них более ответственные поручения, в других городах, а здесь остаются самые ненадежные. Вот за них самой и приходится пахать… да еще и дома эта Мария Никитична… А Ольга – тоже… И в школе…

Сразу же после планерки в кабинет к Каратову снова заявилась Милочка.

– Карати-ик, а чего мы такие все сердитые? Твое потомство плохо себя ведет?

– Мила, я ж тебя триста раз просил, не называй Анфису…

– Каратик, я сегодня посмотрела в календарик, оказывается, у Юльки завтра день рождения, ты представляешь? Ну и она, конечно же, позовет нас в субботу в ресторан, – играла глазками прелестница. – Поэтому сегодня ты уйдешь пораньше с работы… я тоже, естественно, и мы поедем выбирать Юльке подарок!

Каратов смотрел на Милу с легкой улыбкой. Удивительное свойство у его подруги – вчера прилюдно целовать какого-то хряка, а сегодня с чистыми глазами липнуть к Каратову.

– Мила, а с чего ты решила, что я вообще собираюсь идти к этой Юльке? – искренне удивился Каратов.

– Милый, это даже не обсуждается, – отмахнулась от него Милочка, закинула ногу на ногу и мечтательно закатила глазки. – Каратик, мы с Юлькой видели такое платьице – отпад! Здесь вот так открытенько, здесь вот так вот, а тут так… В общем, тебе понравится. Юлька так хотела себе купить, она даже мерила – ей хорошо. Вот мы сегодня поедем и купим. Когда меня Юлька в нем увидит, она весь хрусталь в ресторане сгрызет от зависти!

Каратов ничего не понял.

– То есть… ты себе это платье купишь? Не Юльке?

– Ты сдурел, Каратик?! – вытаращилась Милочка. – Конечно, себе! А ты хотел, чтобы я хрусталь от зависти грызла?

– Точно! – вдруг блеснул глазами Глеб. – А если ты еще к Юльке и с новым хахалем придешь, она вообще – окислится!

Милочка наморщила носик.

– Каратов, ну где я буду искать новых хахалей? Ресторан-то уже в эту субботу!

– Ну и что? А ты своего вчерашнего возьми… с толстыми ухами… Юлька его как увидит, сразу подумает, что он си-и-ильно богатый. Потому что страшный до ужаса.

Ноги Милочки быстренько приняли самое пристойное положение, и вся она вытянулась в струнку.

– Глеб… что ты такое говоришь? На меня, как всегда, наговаривают, а ты…

– Я вчера приезжал в «Лягушку», хотел тебе сюрприз сделать. А сделала ты, – тепло улыбнулся Каратов. – Мне твой новый друг очень понравился. У вас такие нежные отношения.

– Каратик… Глеб! – вскочила Милочка. – Ты ничего не понял! Виктор Павлович… он оказался там совершенно случайно! Это и вообще… мой учитель истории, и я…

– И ты сдавала ему экзамен, – догадался Каратов. – Мила, успокойся. На твоей работе наш разрыв никак не отразится, а…

– Какой разрыв?! – округлились кукольные глаза Милочки. – Ты что, сдурел?! Чтобы я по собственной воле согласилась на разрыв со своим боссом?! Да ни за что!

– Но я-то – запросто! – все так же улыбался Каратов. – И… ступай на свое рабочее место, у меня дела.

– Каратик, я никуда…

На столе зазвонил телефон.

– Да? – с радостью схватил трубку Каратов. – Да, это я… Арина… Венедиктовна?.. Да-да, конечно, я вас помню… Когда? Сегодня?… Нет, не говорила… То есть она говорила, конечно, но я… Непременно… И что? Все хотят меня видеть? Непременно! Да-да, буду.

Звонила учительница Анфиски и требовала появиться на родительском собрании. Да еще и как требовала!.. Опять начнутся жалобы всякие… Ох, и когда дочь уже подрастет?

– Кто звонил? – вытаращила глаза Милочка. – Женщина?

Каратов уставился на нее с явным непониманием. Похоже, девушка немного забылась.

– Каратов! Я спрашиваю, кто тебе звонил? Меня интересует, кто эта…

– Меня тоже интересует, и весьма давненько – вы почему не на своем рабочем месте? И, знаете ли, хочу вам сообщить, на вас очень жалуются ваши коллеги. Говорят, вас на рабочем месте застать невозможно. В чем дело, Людмила Ивановна? Я жутко обеспокоен.

Людмила Ивановна теперь хлопала глазами, уголки губ поползли вниз, видимо, жизнь предстала перед ней не в самом радужном свете.

– Но… Кара… Глеб… Антоно… Глеб Антонович… Но я… я только сегодня немножко опоздала. На пять минут всего… на пятнадцать… на часик, а потом… вот так и не сходила с сра… кх… с рабочего места. Только вот еще… бегала… ну, я кофе попить сбегала, потом еще в туа… кх… потом еще… опять на рабочее место прибежала…

– Боюсь, в этом месяце мне придется лишить вас премии, – ледяным голосом произнес Каратов и пододвинул к себе бумаги.

– Но, Кара… Глеб Ан…

– Вам что-то еще?

Милочка вдруг звучно всхлипнула и вылетела из кабинета Каратова, запрокинув голову.

– Как в немом кино… – с интересом наблюдал за ней Каратов. – Топиться побежала… Как Катерина в «Грозе»…

Потом вздохнул, на секундочку закручинился над поломанной судьбой Милочки и тут же про все забыл. Надо было заниматься делами.

Глава 2

Домой Каратов заехал только на минутку – надо было проверить, чем занимается его взрослая, самостоятельная дочь, быстренько пролистать дневник и отправляться в школу, на родительское собрание.

– Анфис, где твой дневник? – прямо из прихожей крикнул отец.

– Чего это с тобой? – вышла дочурка с накрашенными до самых бровей глазами.

– О господи… – тихонько охнул отец. – Это… чего?

Анфиска тут же глянула на себя в зеркало, которое висело в прихожей.

– Да это я макияж пробовала… по-моему, классно, а?

– Классно? Это ужас, Анфиска! Поверь мне как мужику! Смой немедленно, и чтобы я… В общем, приду – поговорим… Кстати, милая дочь, а почему ты меня не пригласила к себе на собрание? Я бы…

– Ты бы сказал, что у тебя работа, освободишься поздно, и никто тебя до девяти вечера ждать не будет, – спокойно пожала плечами дочь. – А чего – пойдешь?

– Да вот, дочь моя, пойду! А вот когда приду… Ты никуда не уходи. Сиди и жди меня дома, ясно? Я думаю, мне надо будет с тобой серьезно… Ох, уже опаздываю! Баба Таня не звонила?

– Беги, потом расскажу.

Каратов выскочил из дома и направился к машине. Только подъехав к школе, он вдруг вытащил телефон и стал набирать номер.

– Анфиса? У вас какой кабинет-то? Так… понятно… все, жди меня злого!

В Анфискином классе уже сидело довольно много народу. Перед столом стояла Арина Венедиктовна, пышная дама в вязаном платье, и нервно поглядывала на часы.

– Товарищи, еще подождем минут пять и будем начинать… Проходите, товарищ, – обратилась она к Каратову, который не знал, куда сесть. – Вы чей папаша будете?

– Я – Каратов. Моя дочь…

– Анфиса! Отец Анфисы!.. Мать-то не пришла! Хорошо, что отец пришел! – послышался родительский ропот.

Каратов невольно поежился – если нападут все разом, отбиться он не сможет, вон какие здесь три мужика толстенные…

– Тихо, товарищи! Тихо!.. Садитесь… а-а-а… Глеб Антонович, садитесь вот сюда, здесь Анфиса сидит.

Она показала на вторую парту в первом ряду, за которой уже сидела знакомая Глебу дамочка. Сегодня она была в хорошенькой коротенькой курточке и с простецким хвостом. Глеб ей вежливо кивнул, после чего дамочка резко отодвинулась.

– Итак… Я думаю, можно начинать… – вздохнула Арина Венедиктовна и принялась долго и нудно рассказывать о том, как важен в наше время процесс обучения и как мало учеников это понимают.

Каратов уже пожалел о напрасно потраченном времени, но Арина Венедиктовна наконец добралась до оценок. Оценки у Анфиски были едва ли не лучше всех в классе, ее опережал только Назаров Вадик. Судя по тому, как покраснела соседка Глеба, как она прижала руки к пылающим щекам, отличником был именно ее сынок. Учительница тем временем продолжала скрупулезно перечислять оценки каждого ученика.

Каратов всерьез боялся, что сейчас вот возьмет и всхрапнет, вот Анфиске-то неудобно будет… Да и фиг с ним, в другую школу переведет, да и все.

– А теперь о дисциплине, – объявила Арина Венедиктовна и зловеще уставилась на Глеба. – Здесь у нас, знаете ли, ну совсем беда! Просто катастрофа, я бы выразилась. И ведь весь класс стонет только от одной девочки! От Анфисы Каратовой!

– Да! Промежду прочим, мой сын завсегда от нее в синяках приходит! – возмутился самый толстый из трех толстяков. – Я уж прямо удивляюсь! Грю: «Борька! Ты чего ж сдачи дать не можешь?», а он мне: «Да ей никто сдачи не может дать!», а сам от нее вечно в синяках!

– Простите, что значит «от нее»? – не совсем сообразил Каратов. – Он что, в гости приходит, что ли?

– А вы не цепляйтесь к словам-то, не цепляйтесь! – набычился толстяк.

– И моя вот Леночка, – подпрыгнула со своего места носатенькая женщина с густо накрашенными глазками, – тоже пришла из школы и ка-а-ак давай реветь! Говорит, что эта Анфиска ее отлупила! Это что ж такое, я вас спрашиваю?!

– Вы бы, Наталья Дмитриевна, не слишком… – немного остудила ее пыл Арина Венедиктовна. – Ваша-то Леночка сначала Вадика Назарова с лестницы спустила…

– И Леночка тоже? – тихо охнула соседка Глеба.

– Леночка спустила, а Анфиса… – Арина Венедиктовна развела руками. – Анфиса… она была не права. Надо было сказать учительнице, а она просто взяла и Леночку отлупила.

– Да! Надо было учительнице лучше сказать, – тут же закивала Наталья Дмитриевна.

– Или сразу в суд, – поддакнула чья-то добрая бабушка. – Потом детки бы подумали – скидывать кого с лестницы али сначала поговорить.

– А вот моего Вову…

– Нет, погодите, мой Санька и вовсе вчера пришел с разбитым носом!

– Да твой Санька вчера с пацанами во дворе подрался, я ж видела! Он, видишь ли, закурить попросил!

– Да сама ты «закурить»! Чего это он у пацанов просить будет? Он, если надо, у меня стянет!

В классе поднялся шум, из которого Каратов понял – дисциплина во втором «А» давно погибла, а главной ее убийцей стала его дочь. Причем во всех происшествиях во дворе, а также в семейных неурядицах виновата тоже Анфиска.

Каратов просто поднялся и направился к выходу.

– Вы куда это, товарищ Каратов? – захлопала глазами Арина Венедиктовна.

– Домой, – охотно пояснил Глеб. – Я все понял. Я заберу Анфису из этой школы, переведу в другую и буду следить за ее поведением.

– Нет, ну зачем же переводить? – быстренько пошла на попятную классная руководительница. – Анфиса же… она же не всегда… она же только на защиту слабых… Вадика.

– Да уж! Трясется с этим Вадиком как курица с яйцом, а нашим детям попадает! – опять возмутился толстяк. – Ну должны пацаны драться! Вот мой Борька и дерется! Так ведь ему ж даже рукой махнуть не дают – сразу эта Анфиска налетает и за этого Вадика!..

– Да мямля потому что этот Вадик!

– Точно! И моя тоже говорит, я, говорит, давно из него мужчину хочу сделать, а Анфиска… А этот Вадик!..

– А чего это вам мой Вадик?! – вскочила со своего места тощая соседка Глеба и нервно поправила очки. – Он, между прочим, от этой Анфисы больше других получает!

– Ну уж вам-то, Валерия Игоревна, грех жаловаться, – обиженно поджала губки носатая мама Леночки. – Эта девчонка с ним носится как с писаной торбой!

– Точно! Она его научила уже! Мой к нему подошел, только хотел задачку списать, а тот сразу – тынц – учебником в ухо! И за что?

– Да уж! Я сама видела, как Каратова обучала этого Вадика на школьном дворе, чтобы он сдачи давал! Чему она его только научит! А ведь девочка!

– Я тоже хотела бы посмотреть на маму этой, с позволения сказать, девочки!

Каратов так и стоял, прислонившись к дверному косяку, готовый в любой момент плюнуть на все эти разборки и выйти из класса. Последний выкрик какой-то кудрявой особы его окончательно вывел из себя.

– Я еще нужен? – прервал вновь разгоревшийся спор Каратов.

– А вы оценки смотреть не будете? – удивилась Арина Венедиктовна. – Возьмите журнал.

Каратов взял журнал и стал быстро его перелистывать. В классе уже говорили о том, что надо сдавать деньги на ремонт, надо сдавать деньги на пришкольный

лагерь, на что-то еще… Он не слышал. Его грызла одна мысль – они что, не знают, что Анфиска растет без матери? И учительница не знает? М-да… тонкий подход к каждому ученику.

Оценки у дочери были отличными, чего их смотреть. Учеба Анфиске всегда давалась легко…

Все предметы были просмотрены, но остались еще страницы в журнале…

– Ого! – не удержавшись, фыркнул Каратов.

На одной из последних страниц были данные о родителях учеников. И его Анфиски тоже. Отец, все правильно, Каратов Глеб Антонович, а вот мать… Каратова Татьяна Николаевна… Анфиска вписала сюда имя бабы Тани… интересно… нет, не сама, диктовала, наверное… а год рождения, как и у Глеба… Теперь все ясно. Арина Венедиктовна взяла класс только три месяца назад, где ей со всеми тонкостями разбираться… А вот и Назарова Валерия Игоревна… Прямо-таки Валерия! Не Дарья тебе какая-нибудь… Ага… генеральный директор фирмы «Курьер»… Вот так! А что там Анфиска надиктовала?.. Ага… Владелец частной клиники «Роса»… громко-то как, вот хитрюга. Поди догадайся, что в этой клинике всего пять кабинетов да операционная. Но зато какие! Так, а бабе Тане мы что приписали?.. Ха! Надо будет матери сказать – психолог широкого профиля! Ну Анфиска!

– Глеб Антонович, вы согласны?

Глеб вздрогнул – на него смотрела Арина Венедиктовна. И даже как-то… весьма лукаво смотрела, с хитрецой.

– Простите… а с чем я должен согласиться?

– Мы решили устроить субботник вместе с детьми, вы согласны участвовать? В принципе вы можете не приходить, а только сдать деньги.

– Хорошо, я согласен.

И Арина Венедиктовна одарила его сияющей улыбкой.

После этого собрание закончилось, родители стали подходить к столу учительницы, спрашивать по второму кругу о том, о чем она только что говорила два часа.

Каратов вышел из класса. Следом за ним торопливо застучали каблучки.

– Товарищ! Эй! Товарищ! Папа Анфисы!

Каратов обернулся. За ним торопилась эта нелепая Валерия Игоревна.

– Я все-таки… я все-таки думаю, – смущаясь, заговорила она, – думаю, что Анфисе не надо… ну… Вадика ничему обучать… А то… она и в самом деле научит его на людей кидаться… С учебником-то как-то и вовсе некраси…

– Хорошо! – резко оборвал ее Каратов. – Я скажу Анфисе, чтобы она вашего сына больше не защищала. И в самом деле – что ж она его от чужих кулаков отбивает. Хватит уже. Девочка она, а не он!

– Но… погодите!

Но Каратов ее уже не слушал. Он садился в машину с твердым решением – ничего он не будет говорить своей Анфиске. Возьмет и переведет ее в другую школу.

Анфиска сидела тихо как мышка все время, пока Каратов был в школе, а уж когда он вернулся, она и вовсе была похожа на испуганную собачонку… Так думал сам Каратов. Но в действительности не было ничего подобного.

– Па, я картошку пожарила, будешь? – как ни в чем не бывало спросила дочь, едва отец зашел в дом.

– Меня, знаешь ли, сейчас картошка интересует меньше всего, – скрипнул зубами Глеб. – Анфиса, скажи мне, когда я смогу спокойно появляться в школе? Вот так прийти и не краснеть?

– Чего? Опять ругались? – нисколько не удивилась Анфиска. – А оценки как?

– Да что ты мне своими оценками голову забиваешь? С оценками-то как раз полный порядок. А дисциплина?

Анфиска села на стул и покорно опустила голову. Каратов даже на минуточку поверил, что его дочь мучается угрызениями совести. Как бы не так!

– Па, ну если я при такой дисциплине еще и учиться успеваю неплохо, то…

– Короче, так! Либо ты к этому Вадику больше вообще не подходишь! Никогда! Ни при каких обстоятельствах! Либо…

– Либо ты нанимаешь няньку…

– Нет, милая моя, либо я тебя перевожу в другую школу, ясно? – метал молнии отец. – И давай уже ставь свою картошку!

Каратов был из тех счастливцев, которые дома умели думать только о личной жизни, а на работе – только о работе. Правда, уже который день его от врачебных дел упрямо отвлекала госпожа Людмила Ивановна, то бишь Милочка. Так же упрямо он старался ее не замечать.

– Глеб, сегодня чего думать будем? – подошел к нему его верный и преданный зам, Федор Федорович Сутулов. – Как-никак пять лет клинике-то. Юбилей, можно сказать.

– А чего надо думать? – не сразу сообразил Каратов. – Ну, я не знаю, премию, что ли, какую выдать? Надо Лиле сказать, пусть начислит.

– Премию – это само собой. Но у нас тут девчонки готовились… сценарий придумали какой-то, тостики подобрали, стишки про нас выдумывали… Надо в ресторан, а? – Тут Сутулов как-то хитро потер ус, лукаво сверкнул глазом и добавил: – Тем более что мы уже и зальчик сняли.

– В «Лягушке»? – испуганно выдохнул Каратов.

– А ты откуда знаешь? – удивился Сутулов. – Ну да, в ней…

– О-о-о, боже мой… Ну куда деваться, пойдем в «Жабу».

– Глеб! Да чего уж ты и вовсе нос повесил? – даже обиделся немножко за «Лягушку» Сутулов. – Там весьма недурно. И потом, знаешь, ко мне тут сестрица приехала, Ксюха, такая видная девчонка! Здесь – во! Тут – во! И при всех этих достоинствах еще и ум в голове, представляешь? Девчонке всего двадцать пять, а она уже директор торговой компании.

– С ума сойти, – равнодушно отозвался Каратов. – Куда их прет?

– Правда, компания состоит только из нее и ее подруги, но как звучит, а? – Сутулов вытянул вперед палец. – Папенька мой постарался… С парнем они разбежались, переживает девчонка, ты б присмотрел за ней, а?

– Федя! Я вот за Милочкой присмотрел, до сих пор откреститься не могу.

– Вот и классно! Ксюха эту Милочку… Да она ее в два счета! И потом, Ксюхе-то только на сегодня. Ну прилипла ко мне – пойду с тобой, и хоть ты режь ее! Ирка, жена моя, не идет, а сестрица… и куда ее денешь? Согласился взять. Так что… ты собирайся давай.

Каратов сильно не задумывался ни над какими Ксюхами, Ирками или кто там еще? Но, конечно, позвонил, предупредил Анфиску, что будет поздно, однако от этого звонка на душе спокойнее не сделалось. Да еще матушка! Когда она уже приедет из своего этого санатория?!

Ксения оказалась и в самом деле девицей видной. Прямо тебе королева! Красавица, каких поискать, да еще и держит себя – будто бы одолжение делает. Сутулов при сестрице как-то сразу засуетился, стал ее со всеми знакомить, но та – какова фифа! – лишь слегка кивнула всем сразу и уселась рядом с братом.

Каратов усмехнулся – вот так вот! Знай нынешнюю молодежь! Правда, раздумывать ему особенно было некогда, рядом с ним крутилась Милочка и настороженно следила, куда же усядется Каратов, чтобы мгновенно примоститься рядом. Каратов отчего-то вдруг подошел и сел рядом с Ксенией.

– Можно? – едва сдерживал он улыбку.

Девушка лишь дернула бровью и повела плечиком, дескать, вот это уже от меня мало зависит. Милочка быстренько уселась с другой стороны от Каратова. Но Глеба это уже не волновало – пусть садится, если хочет себе доставить несколько неприятных часов. Ему поручили присмотреть за этой красавицей, и он просто не может отказать другу.

Ксения оттаяла только к концу вечера. Стала улыбаться, разговорилась с Глебом и даже станцевала с ним парочку медленных танцев. Зато Милочка старалась вовсю. Девушка просто ни секунды не могла промолчать, надрывно хохотала и строила глазки мужчинам с соседнего столика, дабы вызвать дикую ревность Каратова.

– А эта Людмила, похоже, от вас без ума, – заметила Ксения Глебу, когда они в очередной раз качались под медленную музыку.

– С чего вы взяли? – наивно вытаращился Каратов. – Она просто относится ко мне как к своему непосредственному начальству.

– Нет, она относится к вам совсем не просто, – улыбнулась Ксения. – Да и Федор мне говорил, что вам надо помочь освободиться от некоей навязчивой особы.

– Федор? Вот гад, а? – вздохнул Каратов. – С этим вашим Федором… ну никакой личной жизни!

– Не переживайте так, – успокоила красавица. – Я вам немножко помогу.

И помогла. Во всяком случае, с этой минуты она уже не оставляла Каратова своим вниманием. Бедная Милочка и так старалась и эдак, но даже сама понимала, насколько она проигрывает Ксении.

– А чего это мы на наш юбилей всяких посторонних приглашаем? – в конце вечера вдруг возмутилась она. – Прямо вот эти девицы!.. Прямо вот как мухи на… мед!

– Это вы про меня? – высокомерно улыбнулась Ксения. – Так я могу покинуть ваш юбилей.

– Милочка! – вскочил Сутулов. – Ну куда тебя понесло-то, я не понимаю! Какого хрена…

– Пожалуй, я провожу девушку, – тут же поднялся за Ксенией Глеб.

– Нет, ну Глеб! Ну Глеб… Антонович! – уже чуть не плакала Милочка. – Я ж просто так пошутила… А чего она к вам прилипла, как…

Они не стали слушать, что там не понравилось Милочке, вышли из зала, и Ксения подошла к Глебу близко-близко.

– Ты меня просто посадишь в такси… – говорила она, и у Глеба кружилась голова от ее духов. – И я просто исчезну.

– Нет, – покачал он головой.

– Да… я исчезну сегодня. А потом… я приду сама… Когда ты по мне соскучишься.

– Нет, – снова повторил Глеб. – Я сяду в такси с тобой, довезу тебя до дома, а потом… потом ты придешь сама.

– Хорошо, – легко согласилась она и протянула ему номерок. – Возьми мне пальто.

Он отправился к гардеробу, а когда вышел с ее пальто, Ксении уже не было.

– А где девушка, тут была такая, – рыженькая? – спросил он у охранника.

– Так она ж… она вышла. Села в машину и… и укатила. Я еще подумал – ни фига себе, из кабака и на своих колесах! А чего? Стянула что-нибудь, да?

– Все нормально, – усмехнулся Каратов. – Пригласи мне во-о-он того мужика, чтобы мне в зал не возвращаться.

Парень позвал Сутулова. Тот выбежал, хитро сверкая маленькими глазками.

– Ну? Чего? Вместе с Ксюхой едете, да?

– Пальто ее возьми, дома передашь, – сунул ему в руки пальто Ксении Глеб. – Гуляйте, мне пора.

– Глеб! Глеб, постой! А Ксения-то где?!

Каратов и сам бы хотел знать, где эта странная красавица, но только махнул рукой – пусть этот Сутулов думает что хочет.

Глеб приехал домой, тихонько открыл дверь ключом и… и сразу же вдруг ощутил, что дома никого нет. Он быстро прошел в комнату Анфиски – так и есть! Кровать пустая.

– Анфиса! Анфиса, ты где?! – крикнул Каратов.

В доме никто не отозвался.

Глеб схватился за телефон. Блин, когда ж он просмотрел? Ну вот, эсэмэска от Анфиски: «Папа, меня не теряй, я у Вадика». Совсем уже рехнулась с этим Вадиком! Ведь ясно же ей сказал – никаких Вадиков! Чтобы ближе чем на сто метров…

– Анфиса! Что за новости?! – уже кричал он в трубку, дозвонившись до дочери.

– Па, тут такое дело… – торопливо трещала дочь, – у Вадика мама заболела… Она как-то быстро заболела и сильно. Бредит, температура огромная, а он не знает, что делать. Вот я и…

– Где живет этот Вадик? Квартира какая?

– Па, это… ну записывай… Вадь, адрес у вас как называется? Да, пап, и еще – у них совсем есть нечего, привези, а? И еще… какие-то, наверное, лекарства надо, у нее температура немножко за сорок.

– Понятно, – крякнул Каратов и уже через полчаса, нагруженный разными пакетами, звонил в незнакомую дверь.

Ему открыл худенький перепуганный мальчишка.

– Так это ты Вадик и есть? – вместо приветствия спросил Глеб.

– Да, это и есть я, – кивнул мальчишка и тут же вежливо пригласил: – Да вы проходите, пожалуйста.

– О, пап! – выскочила откуда-то из недр квартиры Анфиска. – А я тут бутерброды нам с Вадькой делаю… Только у них не из чего. Один хлеб скрюченный.

– Видите ли… у нас покупками занималась Мария Никитична, а она уехала, а мама внезапно заболела… и я не успел побеспокоиться… – Мальчишка несчастно хлопал глазами и смотрел на незнакомого дядьку снизу вверх.

Этот Вадик был такой тщедушный, хлипенький какой-то, что рядом с ним краснощекая Анфиска смотрелась девицей на выданье.

– Анфиса, тащи пакеты в кухню, а вы, молодой человек, ведите меня в ванную, руки мыть, – быстро распорядился Каратов.

Вадик старался быть вежливым, но в глазах плескался страх. Ясное дело – мать болеет, чего уж тут…

Глеб прошел в просторную спальню, куда привел его Вадик, и остановился.

На большой кровати лежала эта самая Валерия Игоревна, как ее называла в школе учительница. Теперь она выглядела совсем по-другому. Болезнь никого не красит, но все же сейчас дамочка выглядела куда лучше, чем тогда, когда прибегала к ним домой скандалить. Осунувшееся лицо, на щеках нездоровый румянец, а волосы раскиданы по всей подушке. Ведь нормальные волосы, чего она их вечно в кукиш какой-то сгребает?

– Давайте посмотрим, что тут у нас… – сел к ней на кровать Глеб. – Вадик, а чего врача не вызвали?

– Так мама… она как-то быстро заболела. А Анфиса сказала, что лучше к вам обратиться…

– Градусник есть у вас?

– Вот… – Мальчишка суетливо принес градусник.

– Хорошо…

Лера вдруг открыла глаза.

– Доктор, я… мне… я немножко простыла… – виновато сообщила она. – Мне… только денек отлежаться…

– Разберемся… Давайте-ка, дамочка, мы вас сейчас осмотрим…

В дверь заглянула Анфиска.

– Вадька! – громким шепотом позвала она. – Иди сюда, чего там торчишь? Как у вас чайник включается?

Вадька понесся к подруге.

– Доктор, у меня ничего серьезного? – теперь такими же испуганными глазами, как у сына, смотрела на Глеба Лера.

– Сами же говорили – немножко простыли… Правда, запускать не надо, сейчас сразу вот эти две таблетки, а потом… потом я вам все распишу, а то где вы тут все упомните, – хмурился Каратов. – А после… после к участковому… если нужен больничный.

– Не нужен, – слабо улыбнулась Лера. – Вы знаете, мне так… так ваше лицо знакомо.

– Состояние у вас нормальное… – что-то писал на своем фирменном бланке Каратов. – Мозг не пострадал… даже меня узнали…

Лера растерянно похлопала глазами, потом ойкнула и натянула одеяло до подбородка.

– Вы… вы… папа, да? – прошелестела она. – Анфисы, да?

– Сейчас я врач, – отрезал Каратов. – Вот эти таблеточки сейчас. Прямо две штуки… Вадик! Воды принеси!

– Да я и так… выпью… – чуть слышно прошептала Лера.

– Ну и к чему такой героизм? Сейчас парень воды принесет, выпьете в свое удовольствие… Да и вообще! Пора уже себя любить, знаете ли! Такая красивая, молодая женщина, а себя совсем не жалеете! А вам еще парня на ноги ставить!

– Красивая, да? – вытаращилась Лера. – Вы… Признайтесь, вы смеетесь? Я ж сейчас… сейчас-то я красавица! Больная вся… А над больными разве можно смеяться? Вы же клятву…

– Да что вам всем эта клятва? – взвился Каратов. – И почему я должен смеяться? Вы на самом деле красивая молодая женщина! И именно сейчас. Потому что у вас волосы распущены, румянец наведен… То есть он сам есть. А то… Ходите, как инфузория туфелька. Да еще и скандалите. Вадик!.. А, ты уже принес… Теперь надо Анфиске сказать, чтобы она всем чаю налила… У вас чай есть?

Вадик быстро закивал.

– Есть. И Анфиса уже наливает. Я ее потороплю.

– И Анфиса здесь? – тихонько охнула Лера. – А времени-то сколько?

– Со временем порядок… – крякнул Каратов. – Сейчас чаю горячего напьетесь и будете спать. А утром жар спадет.

– Спасибо вам… доктор… – И Лера отвернулась к стене.

– Все будет нормально, – дежурно пообещал Каратов и вышел в кухню.

– Па, ну чего там? – деловито поинтересовалась Анфиска.

– Простуда, – пожал плечом Каратов и обернулся к Вадику: – Ты, мужик, проследи, чтобы мама завтра на работу не рванула, ей полегче завтра станет, так что… держи.

– Да разве ж ее удержишь, – тяжко вздохнул Вадик. – Она ж на своей этой работе…

– Давай я ей чай отнесу, – взял горячую кружку Глеб. – А вы тут… перекусите чего-нибудь и по кроватям. Времени уже… Ого! Второй час! Вадик, я тут диван у вас видел, Анфиске там постели, а я в кресле… И не пугайся. Ночь я проведу здесь. Спи спокойно.

Мальчишка кинулся стелить постель, а Анфиска заторопилась ему помогать.

– Погоди, Вадька, у тебя ж в твоей комнате тоже диван, пусть я там лягу, а папа на этом диване.

– Нет! На том диване лягу я! – противился малолетний кавалер. – А барышня должна спать в самых лучших условиях!

– Ха! Еще надо посмотреть, кто из нас барышня! – фыркнула Анфиска.

Глеб поморщился. Ну никак не хочет его доченька становиться нежной и хрупкой.

Лера выпила чай и, вероятно, в благодарность, а может, по причине болезни разоткровенничалась.

– Как некрасиво получилось… – вздыхала она. – Я вот на вас… А теперь только вы на помощь и пришли… Ума не приложу, как бы Вадька один со мной справился…

– Ничего, подруги бы пришли, родственники, – успокоил ее Глеб.

– Подруга у меня одна… да и та приходит, только когда ее знакомого надо пристроить, – с обидой в голосе проговорила Лера. – А родственники… Жила тут у меня свекровь, да устала. Обратно к сыну ушла. А я думаю, может, так и лучше, правда? Все равно Вадька ее боялся… Да и не любила она его…

– А зачем же с вами жила? – не понял Глеб.

– А где? Мой бывший новую жену привел, а квартиры своей нет. Он к маме с ней переселился. А она ж мешает. Вот ее к нам и…

– Сослали? Ясно… Только как же вы теперь Вадика-то? Придется с работой повременить. Вы же, как я понял, там начальство какое-то?

– Начальство… – горько хмыкнула Лера. – Только так называюсь, а на самом деле… Ну не умею я людьми командовать. А они ж не маленькие, все понимают. Вот и садятся на шею. Поэтому… приходится все самой… Но это ничего. Я вот… Я вот только выздоровею… Буду Вадьку с собой на работу брать.

– Ладно, с этим мы что-нибудь придумаем, – пообещал Глеб. – А сейчас спите. Не пугайте сына.

И он вышел. А Лера еще долго смотрела на дверь. Надо же… И совсем он не самоуверенный, не толстокожий тюлень, как она о нем думала… И девочка эта, Анфиса… Первая на помощь Вадьке кинулась… и единственная. Как же некрасиво получилось… А Лера столько на них кричала…

– Вы еще здесь? – насупился Глеб, войдя в кухню. – А кому я велел в кроватях седьмой сон смотреть?

– Па, ты не хмурься так, а то Вадька тебя боится, – поморщилась Анфиска. – Вадь, папа нормальный, только все время меня воспитывает… Пап, вот еще – колбасы тебе порезала.

– Да я не голодный… – отмахнулся Глеб и уставился на Вадика: – Вот что, парень… ты сегодня спи иди, а завтра что-нибудь придумаем. Не дело это – одному сутками дома торчать. А мать работает, как я понял.

– Да ничего, – замахал руками Вадик. – За мной Мария Никитична приглядывает.

– Мария Никитична – это бабушку ты так зовешь? – поинтересовался Глеб.

– Я б ее еще и не так звала, – вставила свои пять копеек Анфиска. – Домой удрала и все продукты увезла! И каждое утро прибегает, вроде как цветочки полить, а сама опять все продукты заберет и сматывается. А цветы высохли все!

– Ну да… – улыбнулся Вадик. – Продукты таскает… Так ведь ей тоже есть хочется…

– Сварила бы щей, тебя бы накормила и сама б наелась! – не успокаивалась Анфиска. – А то она теперь звонит Вадьке, диктует ему по телефону, как китайскую лапшу заварить! Да моя бы баба Таня!..

– Точно, дочь моя… Баба Таня… – задумчиво проговорил Глеб и уже серьезно рыкнул: – А ну всем спать!

Утром Глеб проснулся от чьего-то истошного вопля.

– Это что ж такое делается?! – верещал кто-то прямо над ухом. – Люди добрыя! Вы ж токо гляньте! Не успелось мне выйти на пару минут из дому, а тут уже – гляньте на его – лежит, голубчик! И ведь какая порядошная женщина была! А сама…

– Цыть! – гаркнул Каратов. Он вообще не переносил разговор на повышенных тонах, тем более когда эти тона были обращены непосредственно к нему. – Молчать! В доме больной, чего вы голосите?

Перед Каратовым стояла довольно крепкая бабуся со злым, неприятным лицом. А из детской спальни уже выскочили дети. Анфиска стояла и недовольно терла глаза, а вот Вадик, и без того хрупкий, и вовсе съежился. Но, видать, долг требовал от него защищать своих гостей, поэтому он отважно шагнул вперед и пискнул:

– Мария Никитична! Это… это наши друзья! Не кричите!

– Заткнись, щенок! – не оборачиваясь, рявкнула любящая бабуся. – А с этим другом…

– Ваши документы, – сурово потребовал Глеб. – Немедленно предъявите ваши документы или я буду звонить в милицию.

– Да звони ты хоть во все колоко…

Каратов преспокойно набрал номер.

– Алло? Дежурный? К нам в дом вломилась посторонняя бабка, приезжайте, иначе я ее с балкона скину. Достала своим криком.

Мария Никитична зычно икнула и поспешно направилась в прихожую.

– Да ла-а-адно тебе! – уже миролюбиво крикнула она оттуда. – С балкона он… Я и сама, ежели что…

Глеб телефон отключил, и вредная бабка тут же засунула голову обратно.

– Я ж тута живу, промежду прочим, – язвительно сообщила она. – Не получится у тебя меня с балкона-то…

– Покажите прописку, – потребовал Каратов.

– А и… нет ее, прописки-то…

– Так вот что я вам скажу, – неторопливо, четко заговорил Глеб. – Вы сюда больше ни ногой. Запишите где-нибудь. И продукты таскать хватит. Мальчонка потом целый день голодный сидит, неужели непонятно.

– Да? А мне чего делать? – скривилась бабуся. – Ему-то мать вечером купит, а я?

– Все, хватит, – встал Глеб. – Я сказал, вы поняли. До свидания. Вы же знаете, как там замок открывается…

Бабуся решила новый скандал не начинать. Черт его знает, этого проходимца, может, и в самом деле, с балкона-то… А у нее не те года, чтобы пташкой-то… Она потом придет, когда этот хахаль уберется. И уж тогда она… Она еще этой Лерке!

А в доме в это время вовсю возмущалась Анфиска:

– Нет, пап, ты посмотри! Ведь наглая какая!

– Дочь моя, хватит! Не твое это дело – взрослых судить, ясно? – оборвал ее отец. – Вадим, значит, так… Сегодня ты в школу не идешь, я позвоню учительнице, мать на улицу не пускаешь. Я тут… вот, написал тут, что надо, в аптеке купишь. Деньги-то есть?

– Есть, – кивнул мальчишка.

– Вот и славно. Никому двери не открывай… Все будет хорошо.

– Пап, – вдруг засуетилась Анфиска. – Он совсем беспомощный, ты ж видишь. Я, пап, просто вынуждена остаться с ним. Ты про меня тоже учительнице позвони, а?

Каратов покачал головой. Анфиска своего не упустит.

– Хорошо, позвоню, – пообещал Каратов и уже собрался уходить.

– Погодите, пожалуйста, – попросил вдруг Вадик. – Осмотрите еще раз маму… А то… Мария Никитична так кричала, а мама не проснулась… Может…

– Ничего не может, – отмахнулся Глеб. – А маму осмотрю.

Когда он зашел в спальню к Лере, та торопливо застегивала юбку.

– Ой, мамочки! – пискнула она и заскочила за дверцу шкафа. – Заходите.

– Не понял, – оторопел Каратов. – Это что еще за костюмированное шоу? А ну раздеваться и в кровать!

– Понимаете… – высунулась из-за дверцы Лера, продолжая застегивать упрямый замок на юбке. – Мне позвонил… ой, Кукушкин мне позвонил. Он болеет, а ему надо срочно документы привезти на Сурикова. Клиент ждет, а Кукушкин болеет… Я сама сейчас… быстренько…

– Телефон Кукушкина! – потребовал Глеб.

– Какой телефон? – растерялась Лера. – Кукушкина? А вам для чего?

– Я попросил телефон! – рявкнул Каратов. – И быстро раздеваться! Без комментариев!

– Но… Клиент ведь невиноват. И потом…

– В кровать!!!

Он так гаркнул, что Лера прыгнула в кровать прямо в юбке.

– Правильно, – одобрительно кивнул Глеб. – А теперь телефон.

Лера протянула ему телефон.

– Последнее сообщение… – дрожащим голосом пояснила она.

Глеб разобрался сам. И уже через минуту его бас катился по всей спальне.

– Кукушкин? Это вас беспокоит ваш новый директор. Вы по какой причине не вышли на работу?.. Ага, стало быть, болеете? Когда я смогу увидеть ваш больничный?.. Я не понял. Что значит бабушкиными рецептами? Пусть тогда бабушка и оплачивает вам рабочие дни!.. Меня не волнует, что вы там себе придумали! Если через час мне не отзвонится клиент, можете считать себя уволенным!.. А вот это вы будете рассказывать своей бабушке!

– Что? – тихонько спросила Лера, когда Каратов убрал телефон от уха.

– Ничего. Придется сидеть здесь еще час…

– Да ну что вы! – забеспокоилась Лера. – У вас же дела, работа… Я сама…

– Да ничего вы не сама! Развалили дисциплину! Вам нужен хороший директор, вот что я вам скажу, если уж вы сами ни к черту…

– Я… почему же… я очень даже к черту… – всерьез обиделась Лера. – И потом… директор… У меня был. А теперь он уехал из города, а другие… другой у меня тоже был, он ворует.

– Ой-й-й… – как от зубной боли поморщился Каратов. – Да вам вообще надо сидеть дома и варить парню борщи! А вас куда-то в бизнес потянуло!

Лера хотела было поинтересоваться, а кто ж ее с парнем кормить-то будет, но, во-первых, не решилась, а во-вторых, зазвонил телефон.

Звонила подруженька Ольга.

– Лера! Что за на фиг?! – сразу же накинулась Ольга на больную подругу. – Мне звонит Кукушкин и чуть не плачет! Ты чего – нового директора взяла? А почему мне ни слова не сказала?

Ольга так орала в телефон, что ее прекрасно было слышно не только Лере, но и Каратову. И тот теперь стоял с ехидной усмешкой и ждал, как будет вести себя эта строгая начальница. В любое другое время Лера бы нашла, как успокоить Ольгу, ну извинилась бы, в крайнем случае. Но сейчас…

– Ольга, а почему… почему это я тебе должна докладывать о своих решениях? Ты ж у нас только числишься, насколько я помню.

– Ах, вот ты как, да? Только числюсь? А когда, значит, тебе кадры нужны были, я не только числилась, да? Чуть что, так сразу «Оленька», а тут! Я могу и вовсе… могу и вовсе с тобой не общаться!

– Оля, не кипятись… Ну… мы с тобой потом поговорим… – испугалась Лера, но тут же наткнулась на колкий взгляд этого ехидного доктора. И снова добавила металла в голос: – Не кипятись, Ольга! Я тоже еще многое могу.

– Ты?! – удивилась даже подруга, но быстро взяла себя в руки. – Лера, ты меня не пугай! Позвони немедленно Кукушкину и…

Каратов просто за голову хватался от такой наглости. Проняло даже Леру.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/yuzhina_margarita/usynovlyu-muzhchinu-s-rebenkom

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити